

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

**Языковая личность ученого –
носителя элитарной речевой культуры
(на материале эпистолярного дискурса
В.И. Вернадского)**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей вербального поведения носителя элитарной речевой культуры на примере языковой личности ученого, характеризующейся особым типом мышления и высоким уровнем развития языкового сознания. Материалом послужили письма В.И. Вернадского. Языковая личность ученого, репрезентированная в рамках эпистолярного дискурса, признана эталонной, успешной в плане реализации эффективной коммуникации, соответствующей национальным традициям общения, обладающей ярким индивидуальным стилем.

Clause is devoted to consideration of features of verbal behaviour of the carrier of elite speech culture on an example of the language person of the scientist described by the special type of thinking and a high level of development of language consciousness. As a material the letters V.I. Vernadski. The language person of the scientist, submitted in frameworks epistolary discurs, is recognized reference, successful by way of realization of the effective communications appropriate to national traditions of dialogue, having bright individual style.

Ключевые слова: лингвоперсонология, эпистолярный дискурс, коммуникация, речевая культура, языковая личность, носитель элитарной речевой культуры.

Science about the linguistic person, epistolary diskurs, communications, speech culture, language person, carrier of elite speech culture.

УДК: 81.38/42.

Контактная информация: Томск, ул. Карла Ильмера, 15/1. ТГПУ, филологический факультет. Тел. (3822) 621748. E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru.

В рамках *лингвоперсонологии* (В.П. Нерознак, Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, А.А. Воровбитова, Н.Д. Голев, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, К.Ф. Седов, В.В. Красных, Е.В. Иванцова и др.), одного из самых молодых и активно развивающихся направлений современной филологии, ведущая роль принадлежит изучению феномена *языковой личности* и вопросам ее типологии. При всем многообразии трактовок ключевого термина его суть выражается в акцентуации способности человека воспринимать и порождать речь (дискурс), в определенной степени владеть системой языка и использовать ее для достижения тех или иных коммуникативных задач.

Появление и формирование статусных характеристик языковой личности обусловлено социокультурными факторами. Это определяет целесообразность выделения такого критерия дифференциации разновидностей языковых личностей, как *принадлежность к определенному типу речевой культуры* (Н.И. Толстой, В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, Г.П. Нешищенко, Л.П. Крысин, В.И. Карасик, И.А. Иванчук и др.). Согласно этой теории, языковое сознание но-

сителей разных культур отличается степенью развития, «своим» набором когнитивных структур и шире – концептуальных систем, обуславливающих особенности картины мира и совокупности ценностных ориентиров, проявляющихся в полной мере в текстовой деятельности.

В ряду таких типов речевой культуры, как *среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный*, выделяемых О.Б. Сиротининой [Сиротинина, 2003], особое место принадлежит *элитарному типу русской речевой культуры*. Его носители свободно владеют кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески используют возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи. Овладению данным типом речевой культуры способствуют особенности воспитания и обучения, характер профессиональной деятельности, «требующей социальной активности и многорольности» [Там же, с. 344], постоянное стремление к самообразованию, расширению кругозора, высокая степень ответственности, самодисциплины в сфере вербальной коммуникации, а также систематическая критическая оценка собственного стиля речевого поведения. «Элитарная» языковая личность (далее – ЭЯЛ) репрезентирует на уровне своего языкового сознания языковую и концептуальную картину мира этноса на соответствующем этапе его социально-экономического, общественно-политического и культурного развития.

Критериями отнесенности носителя языка к элитарному речевому типу выступают: «1) высокий уровень общей культуры, нравственных, этических принципов и норм общения; 2) принадлежность к гуманитарной сфере и к тем, для кого слово является инструментом повседневной практической деятельности: писателям, журналистам, деятелям театра и кино, ученым гуманитарного профиля, политикам, государственным деятелям; 3) привычка и опыт публичных выступлений; 4) следование ортологическим нормам русского литературного языка, т. е. владение речью «правильной» и «культурной» (В.В. Колесов)» [Иванчук, 2005, с. 14–15].

Типичной разновидностью ЭЯЛ, в полной мере репрезентирующей все особенности коммуникативного поведения последней, можно считать языковую личность ученого.

Существует уже достаточно обширный опыт исследовательской деятельности лингвистов по составлению речевых портретов известных деятелей науки. Еще М.В. Панов в своих филологических этюдах, содержащих фонетические портреты известных языковых личностей, в том числе ученых XVIII–XX вв., обосновал выбор данного типа ЭЯЛ социокультурными соображениями: принадлежностью тому или иному поколению, социальному слою, ориентацией речевого поведения на определенную культурную традицию, наличием собственной языковой манеры [Панов, 2004]. Идеи ученого были подхвачены и развиты другими исследователями: Т.Г. Винокур, Т.И. Ерофеевой, Е.А. Земской, В.Д. Черняк, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой и др.

Так, Т.В. Кочеткова рассматривает в качестве «элитарной» языковую личность профессора Саратовского государственного медицинского университета, заслуженного врача России, ученого-фармаколога Константина Ивановича Бендера. Ключевое место в исследовании отводится анализу факторов, обусловивших формирование этой яркой языковой личности и позволивших ей реализовать на практике огромный культурно-речевой потенциал. Как считает Т.В. Кочеткова, каждый носитель элитарной речевой культуры предстает личностью активной, разумной, думающей, цивилизованной, влияющей посредством своей харизматичности на национальную культуру, выступающей творцом культурных ценностей и воспитывающей окружающих. Носителю элитарной речевой культуры присуще уважение к людям, закону, порядку, делу, профессии [Кочеткова, 1998].

Свой опыт описания ЭЯЛ на примере языковой личности русского языковеда, доктора филологических наук, одного из основоположников московской фонологической школы Александра Александровича Реформатского представил Ю.Н. Караулов. Языковая личность классика отечественного языкознания не обозначена ученым как элитарная, однако по своим характеристикам отвечает требованиям, предъявляемым к данному типу носителя речевой культуры. В качестве особенностей речевой манеры ученого называются склонность к «индивидуальным» правилам орфографии и пунктуации, потребность использования в одном тексте наряду с русским древнерусского и латинского алфавита, а также «пристрастие» к употреблению в качестве иллюстративного материала нелитературных форм. Особое внимание Ю.Н. Карауловым уделяется описанию произносительной манеры Реформатского: особенностей тембра голоса, фонетическим сторонам речи. Заслугой выдающегося ученого исследователь считает его участие в передаче традиций (культурных, языковых, научных) от поколения к поколению. Одной из важных характеристик языковой личности Реформатского является, по мысли Ю.Н. Караулова, способность использовать разные подязыки и свободно переключаться в диалоге – в соответствии с изменением ситуации, цели и участника коммуникации – с одного подязыка на другой [Караулов, 2007].

Следует отметить, что языковая личность А.А. Реформатского не раз становилась объектом изучения исследователей [Журавлев, 2004].

Немалое количество работ посвящено анализу особенностей речевой манеры другого ученого, языковую личность которого также можно с полным правом отнести к числу «элитарных», – академика В.В. Виноградова [Федорченко, 2002; Караулов, 2006].

Необходимость изучения дискурсивного поведения ЭЯЛ в рамках различных направлений современной лингвистики (теории коммуникации, лингвокультурологии, этнолингвистики, жанроведения, когнитологии, лингвоперсонологии, культуры речи, риторики, коммуникативной стилистики текста и пр.) бесспорна (Г.Г. Инфантова, И.А. Иванчук, И.С. Карабулатова, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, Л.П. Крысин и др.).

Это обусловлено, в первую очередь, высоким уровнем языкового сознания ЭЯЛ и ее отношением к языку как средству коммуникации. Наполняя особым, глубинным содержанием понятие «общения», представители данного типа языковой личности расценивают феномен межличностного взаимодействия как возможность реализации ключевой человеческой потребности – удовлетворении взаимной «нуждаемости» (В.М. Бехтерев) людей друг в друге. ЭЯЛ способна к переключению «коммуникативных регистров» (Г.А. Золотова) в общении с представителями других типов культур, к сокращению / снятию дистанции в сферах социально-групповой коммуникации, выстраиванию диалога внутри культуры этноса, демонстрации свойств интерактивной, неконфликтной, успешной и «удобной» в коммуникации с любым речевым партнером языковой личности. Речевое взаимодействие в этом случае представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий, быстрое формирование у них общей картины ситуации и возникновение эмпатической связи друг с другом. Подобный тип коммуникативной стратегии И.А. Иванчук определяет как *кооперативный*, призванный оптимизировать общение [Иванчук, 2005, с. 55].

Во-вторых, исследования ЭЯЛ, согласовывающей свое речевое поведение с требованиями успешного, эффективного взаимодействия и рассматриваемой в этом плане в качестве «образцовой», наиболее приближенной к реализации «идеала языка» (Г.О. Винокур) и «идеальной нормы» (Е.Н. Ширяев), являются особенно актуальными и своевременными сегодня, в условиях абсолютной свободы слова, обуславливающей ситуацию потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации. В современном обществе наблюдается тенденция к сокращению носителей элитарной

речевой культуры и рост «реальных пользователей», развивается «чисто утилитарное потребление языка» (Г.А. Золотова). На этом фоне чрезвычайно востребованным и злободневным видится изучение модели эталонной национальной языковой личности в ее конкретных текстовых воплощениях в условиях дискурсов разных типов.

И, наконец, стоит акцентировать, что «риторика в своих ценностных рекомендациях всегда опиралась на элитарную культуру» [Сиротинина, Гольдин, 2001, с. 317]. ЭЯЛ в совершенстве владеет культурно-историческим опытом своего народа, в своем речевом поведении придерживается большей степени строгости следования «культурной рамке общения» (С.И. Виноградов). Одним из критериев отнесенности носителя языка к элитарному типу И.А. Иванчук называет высокий уровень риторической компетенции, ориентированной на престиж личностного волевого начала в речевой коммуникации и особое место в ней риторических навыков говорящего. Эффективность речи, по мнению ученого, во многом обусловлена «активным владением риторическими средствами речи (тропами, фигурами, афоризмами – А.К.), обеспечивающими как силу убеждения, эмоционального воздействия на адресата, так и возможность выразить особенности своей личности, создать неповторимый образ оратора. Осознанное и мотивированное использование риторических средств следует рассматривать как риторическую компетенцию и этим признаком дополнить корпус признаков элитарной речевой культуры» [Иванчук, 2005, с. 3].

Помимо риторической, ЭЯЛ, на наш взгляд, должна обладать высоким уровнем *дискурсивной* компетентности, поскольку особенности своего коммуникативного поведения ЭЯЛ реализует в условиях разного рода дискурсивных практик, демонстрируя «способности продуцировать дискурс таким образом, чтобы он реализовал весь потенциал для достижения институциональной коммуникативной цели в процессе социального взаимодействия» [Красных, 2003, с. 9].

Большими возможностями в этом плане характеризуется *эпистолярная сфера коммуникации* со свойственными ей установкой на открытый, искренний диалог, особой ролью вербальных и графических средств, ярким проявлением авторского личностного начала. *Эпистолярный дискурс* как ряд текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности в единстве их лингвистических и экстралингвистических аспектов рассмотрения, за которыми стоит одна и та же языковая личность автора, с момента своего появления в глубокой древности и по сей день является неотъемлемым атрибутом межличностной коммуникации в разных ее проявлениях (А.А. Акишина, Н.И. Белунова, Н.Ю. Бусоргина, Н.В. Глухих, Н.А. Ковалева, Л.В. Нижникова, Е.В. Полякова, Н.В. Силаева и др.).

Жанр, в том числе и эпистолярный, в системе лингвокультурологического знания выступает как «коммуникативная схема речевого выражения этнокультурного сознания», «речевая модель ценностно-смысловой репрезентации мира» [Алефиренко, 2007, с. 47], единица дискурсивно-культурного сознания, отличающаяся не только совокупностью тематических, композиционных и стилистических особенностей (согласно концепции М.М. Бахтина), но и целым комплексом культурно значимых особенностей.

Эпистолярный расценивается нами как тот «конвенциональный контекст» (Н.А. Ковалева), который в полной мере характеризует когнитивные, лингвистические и социокультурные способности участников данной сферы коммуникации. Являясь уникальным материалом для антропоцентрических, в том числе лингвоперсонологических, исследований в целом, эпистолярные тексты разных типов видятся ценной эмпирической базой для изучения языковой личности автора, включая адресанта как носителя элитарной речевой культуры. Помимо этого, важность исследований в русле культурологического жанроведения заключается в том, что критерий *жанровой компетентности* языковой личности (В.В. Дементьев) как совокупности знаний и умений, проявляемых носителем в

сфере владения жанровой системой языка, оказывается в достаточной степени весомым для дифференциации разновидностей языковых личностей в зависимости от принадлежности к какому-либо типу речевой культуры.

Стоит отметить, что проблему функционирования ЭЯЛ в эпистолярном дискурсе можно назвать мало изученной в современной лингвистике (Н.И. Белунова, О.В. Зуева, И.А. Иванчук), несмотря на то, что, в свою очередь, эпистолярный жанр весьма широко представлен в коммуникативном пространстве ЭЯЛ. Последнее свидетельствует как о значимости данного жанра для носителей данного страта, так и определенной степени его зрелости.

В числе исследований, посвященных изучению особенностей речевого поведения ученых как представителей ЭЯЛ и выполненных на материале их эпистолярной практики, можно назвать работы М.А. Кормилицыной [1996] и В.Я. Парсамовой [2004].

Данная статья представляет собой опыт анализа эпистолярия в аспекте отнесенности его автора к ЭЯЛ. Эмпирической базой послужили 10 писем В.И. Вернадского своему соратнику по научной и общественной деятельности, биологу, основателю Украинского Ботанического сада В.И. Липскому. Диалог двух выдающихся ученых рассматривается нами как значимый материал, позволяющий сделать ценные наблюдения относительно особенностей коммуникативного поведения ЭЯЛ, репрезентированного в эпистолярном тексте.

Владимир Иванович Вернадский (1863 – 1945) – выдающийся русский естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, создатель многих научных школ, один из представителей русского космизма, лауреат Сталинской премии. В круг его интересов входили геология и кристаллография, минералогия и геохимия, радиогенез и биология, биогеохимия и философия. В своем творчестве Вернадский, автор более 700 научных трудов, возродил древнюю идею о центральной роли человека и разума во Вселенной. По его убеждению, высшая задача науки заключается в созидании и развитии научного мировоззрения, построении единой картины мира. В его учении о ноосфере отразился переломный характер эпохи, а категория разума трактовалась ученым как ее главная черта.

Ключевая составляющая в психологическом портрете ЭЯЛ – абсолютная степень свободы, характерная для данного типа личностей и реализуемая ими в плане своего интеллектуального и духовного развития. В одном из писем В.И. Липскому Вернадский так напишет о себе: «...*хочется выявлять свою мысль, как свободный человек...*» [Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского, 2002, с. 6]¹. А о двух своих коллегах скажет словами, смысл которых в полной мере относим и на его собственный счет: «*А затем очень потрясен и частью выбит из колеи смертью двух друзей – Успенского и Сушкина. Сушкин умер в полном разгаре мысли и работы. Еще в мой отъезд из Кисловодска в Киев видел я его и говорил с ним. Это один из крупнейших натуралистов с широким обобщающим умом. Он еще далеко не развернулся. Тяжело и для Академии: оба крепких духом, твердых и стойких человека, с огромным личным достоинством. Люди, которых особенно нужно в наше время*» [с. 4].

ЭЯЛ – это гармонично развитая личность, степень совершенства которой зависит от уровня усвоения базового культурного фонда, закладывающегося с детства. Вернадский – натуралист-мыслитель, «интересовавшийся решительно всем на свете», которому была свойственна «постоянная, неизменная во всех случаях жизни настроенность на высокое, обобщающее мышление... Она была присуща ему, как уверенная походка, негорбящийся стан, легкость движений, и все-таки удивляла окружающих» [Гумилевский, 1988, с. 97].

В семье Вернадских всегда было много книг (отцу принадлежали книжная лавка и типография), встречались интересные люди – это создавало увлекатель-

¹ Далее ссылки на это издание будут приводиться с указанием только страницы

ную, способствующую творческому развитию детей атмосферу. Судя по письмам, с детства у Вернадского выработалось особое, трепетное отношение к семье как непреходящей ценности в жизни каждого человека: *«Мои дети совсем и хорошо устроились – сын профессором в Нью Хэйвене в Америке, в Йельском университете, дочь врачом в Праге. Живут хорошо. Работают, конечно, много»* [с. 16]; *«Ваше польское письмо не застало меня здесь – я был в это время в “Чешском Раю”, в Грубой Скале – где отдыхал, думал и весь ушел в жизнь с моей первой и единственной внучкой Танечкой Толль»* [с. 8].

На протяжении всей своей жизни ученый много читал: книги о природе, исторические очерки, работы украинских писателей; в детстве вместе с родителями путешествовал за границу – Вена, Прага, Дрезден, Венеция. Тема заграничных командировок, связанных впоследствии с научной деятельностью, – одна из ключевых в цикле писем к В.И. Липскому: *«Собираюсь так же за границу – сейчас уже получил паспорта – теперь надо получить визы из Москвы... Еду на полгода, собственно на годовую командировку с полугодовыми перерывами»* [с. 14]; *«На днях уезжаю на три месяца за границу. Хочу в тиши отдохнуть, обдумать многое»* [с. 6]; *«Провел полгода за границей, где частью жил со своей внучкой Танечкой (5 лет) в Праге»* [с. 16] и пр.

В каком бы городе не находился ученый, обязательным местом пребывания были библиотеки. В одном из писем Вернадский сетует по поводу их неудовлетворительной работы: *«Здесь совершенно невозможно над этим работать: нет ни книг нужных и нет нужной организованности библиотек. Попробовал прошлым летом: доставал 1/6 часть нужной литературы и дорога (жена на даче в доме ученых) 5 часов туда и обратно! К научной работе страна не приспособлена и все становится меньше»* [с. 14]. С творчеством европейских авторов Вернадский знакомился по оригиналам, к зрелым годам он мог читать более чем на двадцати языках. Факт полиглоссии часто фигурирует на страницах писем Вернадского заявленного цикла: *«...хочу обработать французский перевод моей старой статьи о научном мировоззрении, сделанный моей женой, а затем хочу написать послесловие: через 20 лет. Буду писать уже по-французски! Сейчас должно быть вышел французский перевод “Биосферы”, сверстывается немецкий, печатаю сборник моих статей по живому веществу, причем кое-что пришлось перевести на русский язык...»* [с. 6]. По инициативе Вернадского позже была создана первая научная библиотека на Украине.

Еще будучи студентом, поступив в 1881 г. на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, будущий естествоиспытатель общается с крупными учеными и удивительными людьми (Д.И. Менделеевым, А.Н. Бекетовым, И.М. Сеченовым, А.М. Бутлеровым), знакомство с которыми во многом определило его будущую судьбу. В 1882 г. Вернадский записал в дневнике: *«Моя цель – познание всего, что возможно человеку в настоящее время сообразно силам и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть отчасти, запас сведений, улучшающих хоть немного состояние человека»* [Вернадский]. Поэтому вполне объясним тот факт, что главной темой в анализируемых письмах является тема научного поиска, «работы»: *«Сейчас **очень много и очень хорошо работаю**. Печатаю 20ой выпуск истории природной воды и сдаю в печать 3-ий. Скоро выйдет 4-ое (2-ое русское) издание моих Очерков геохимии... Сейчас **главная моя работа** – помимо **работы** Биохимической лаборатории по химическому составу организмов – направлена на изотопы...»* [с. 16]; *«Мечтаю, наконец, вплотную засесть за свою книгу о геохимической энергии жизни в земной коре. Уже с 1930 года к этому стремлюсь... Мне хочется кончить эту **работу** и надеюсь ее сильно продвинуть. Сейчас **много работаю и много печатаю**. **Интересная работа** разворачивается не только по Биохимической Лаборатории, но и по Радиевому Институту»* [с. 14]. На основании количественных подсчетов нами установлено, что ключевая лексема *работа* и ее дериваты (*обработать*,

работать, работы, работоспособная) фигурируют в заявленном цикле писем Вернадского (относительно небольшом по объему) 35 раз. При этом в текстах реализуется сразу несколько лексико-семантических вариантов лексемы: *работа* – «занятие, труд, деятельность», «служба, занятие как источник заработка», «производственная деятельность по созданию, обработке чего-н.», «продукт труда, готовое изделие» [Ожегов, 1999, с. 637]. Частотными также являются синонимические замены ключевой лексемы *работа* на дублиеты *труд(ы), дела*: «Так как много академических *дел* и я экспериментально **работаю** сам и руковожу лабораторией – то понятно, что времени не хватает» [с. 10]. Ключевая в эпистолярной Вернадского лексема *работа* оказывается синтагматически связанной с такими словами, как *интересная, много, масса, изо всех сил, научная, большая, хочу, давняя и главная моя, очень много и очень хорошо, литературная*: «Сейчас мы вернулись – в начале октября – и я попал в тяжелую, удушающую атмосферу чистки, **большой работы**, недостатка людей и ненадежности **научной работы**. Но **работаю из всех сил** и в конце концов удастся кое-что сделать – с совершенно непонятными западноевропейцу или североамериканцу жизнями. Надеюсь скоро прислать Вам первый выпуск **трудов** нашей лаборатории...» [с. 8].

Помимо темы *работы*, другими мотивами цикла являются темы **здоровья** («Диктую, нездоров, последнее время мне не везет, – болею, надеюсь, что это сейчас все кончилось» [с. 20]; «Собираемся в Киев – и очень бы хотелось – на зиму, часто бодем» [с. 12]; «Собирался приехать в Одессу на радиологический съезд – но не очень я стал подвижен и туда не попал» [с. 10] и пр.); **отсутствия свободного времени** («Мечтаю, наконец, вплотную засесть за свою книгу о Геохимической Энергии жизни в земной коре. Уже с 1930 года к этому стремлюсь» [с. 14]); **науки** («А в Радиевом институте систематически ставится определение геологического возраста. В этой области сейчас идет огромное научное движение» [с. 16]; «В области радиоактивности сейчас большие достижения – новое поветрие» [с. 14]); **жизни и смерти** («Ужасно чувствовать уход близких. За три месяца моего отсутствия за границей, у нас умерло семь друзей и близких» [с. 20]; «Время быстро идет, и мы приближаемся к концу. Я так как-то удивился, что я сейчас на 90 человек один из самых старых академиков... Незаметно подошло» [с. 16]).

Любовь к книгам, владение несколькими языками, постоянное стремление к внутреннему росту, преумножению своего интеллектуального багажа и духовному совершенствованию – все эти личностные свойства присущи ЭЯЛ, за счет них происходит расширение границ языкового сознания, что, в свою очередь, способствует формированию системного взгляда на язык в целом как на «вербализованную версию ментального представления события» (Т. ван Дейк). Сказанное в полной мере относится на счет Вернадского и характеризует его как высококоразвитую, «полнофункциональную» (О.Б. Сиротинина) языковую личность. ЭЯЛ демонстрирует не потребительское, а бережное отношение к языку как неотъемлемой и важнейшей части национальной культуры, испытывает осознанную потребность в овладении искусством слова, ценит слово как основное орудие мысли и единицу общения. В 1944 г. Вернадский отметит в своем дневнике: «Мировое значение русской науки и русского языка в мировой науке будет очень велико, раньше – небывалое» [Вернадский].

Именно общекультурная составляющая формирует особый тип языкового мышления ЭЯЛ, который обуславливает выработку определенных стратегий и тактик вербального поведения, а также ряд его специфических свойств:

- соблюдение ортологических, коммуникативных и этических норм речи;
- целесообразное применение внелитературных средств;
- обладание навыком умелого переключения коммуникативных регистров речи и перехода с одного функционального стиля на другой в зависимости от целей, условий коммуникации, а главное – с ориентацией на адресата сообщения;

- демонстрация в процессе вербальной коммуникации богатства как пассивного, так и активного словарного запаса;
- четкое осознание различий устной и письменной форм речи, целесообразное и грамотное их использование;
- обладание навыком монологической связной речи, умение мыслить при этом обеспечивает логичность изложения мыслей.

Все перечисленные особенности «эталонного» вербального поведения в полной мере свойственны индивидуальной речевой манере В.И. Вернадского и находят свое отражение в его эпистолярном дискурсе.

В частности, *творческое отношение* к языку в контексте дискурсивного поведения ЭЯЛ проявляется в ее способности активно использовать в своей речи разнообразную палитру речевых жанров. Взяв за основу типологизацию речевых жанров Т.В. Шмелевой [1997], опирающуюся на иллокутивный критерий, приведем примеры использования Вернадским в своих письмах к В.И. Липскому различных по своей целевой направленности речевых жанров: «*Очень благодарю Вас за Ваши хлопоты. 1000 р. (керенками) получил*» [с. 2] (**этикетный** речевой жанр **благодарности**); «*Очень жалею, что не могу в этом году попасть в Киев*» [с. 6] (**оценочный** речевой жанр); «*Надеюсь скоро прислать Вам первый выпуск трудов нашей лаборатории, а сейчас посылаю две статьи мои о воде*» [с. 4] (**информативный** речевой жанр); «*Глубокоуважаемый Владимир Ипполитович...*» [с. 2] (речевой жанр **этикетного начального обращения**); «*Всего лучшего. Ваш В. Вернадский*» [с. 8] (речевой жанр **этикетной конечной подписи**); «*Как с нашей запиской о биологической станции в Староселье? Подали ли Вы? Собрали ли еще подписи?*» [с. 4] (**императивный** речевой жанр **вопроса**); «*Давно Вам не писал. Не знаю, получили ли Вы издания КЕПС, о которых писали? Известите*» [с. 6] (**императивный** речевой жанр **просьбы**) и пр.

«Эталонное» владение языком в практике эпистолярной коммуникации со стороны ЭЯЛ проявляется также в максимальном использовании потенциальных возможностей языка в виде синонимического разнообразия, лексических и синтаксических средств образности, стилистических приемов: «*Наша лаборатория – биогеохимическая – медленно, но развивается – находится в печати первый выпуск. Это наше появление на свет*» [с. 6] (метафора); «*Я теперь дедушка – для меня это огромное событие – вхожу в разряд людей, свершивших земное, к какому Вы уже давно принадлежите!*» [с. 6] (метафора); «*...я был в это время в “Чешском Раю”, в Грубой Скале – где отдыхал, думал и весь ушел в жизнь с моей ...внучкой*» [с. 8] (метафора); «*Сейчас масса работы, гибну над корректурами*» [с. 10] (метафора); «*...я попал в тяжелую, удушающую атмосферу чистки, большой работы...*» [с. 8] (эпитеты) и пр.

Чрезвычайно широко в своей коммуникативной практике ЭЯЛ использует средства речевого этикета: «*Буду очень рад иметь от Вас весточку*» [с. 8]; «*Дорогой Владимир Ипполитович, очень был рад получить Ваше письмо – давно не имел от Вас известий*» [с. 14]; «*Жена шлет сердечный привет. Ваш В. Вернадский*» [с. 18] и пр.

Как особую форму *лингвокреативности* стоит расценивать способность ЭЯЛ к рефлексии по поводу как отдельных языковых фактов, так и в целом речевого поведения – своего или чужого. Так, в одном из писем Вернадский высказывается по поводу иностранного перевода своей статьи: «*Перевод производится безответственными людьми [нрзб.] Академии из неизвестных мне, далеких от научной работы*» [с. 16]. «Эпистолярный» метасловарь ученого включает такие ключевые лексемы – маркеры жанры, как *письмо* (9 словоупотреблений в рамках анализируемого цикла), *весточка* (2 случая использования), *письмецо*, *открытка*, *записка*, *известие*, *(Ваши) строки*, *корреспонденции* (по 1 словоупотреблению). Отметим, что представленная в данном ряду лексема *письмецо* носит стилистический оттенок «уменьшительности», на что имеется ссылка в словаре [Ожегов, 1999,

с. 519], употребление лексемы *корреспонденция* во множественном числе можно считать индивидуально-авторским, а сочетание слов *Ваши строки* в значении «письмо» в контексте «*мне, конечно, приятны и дороги Ваши строки, так как наши чувства обоюдные*» [с. 22] – отнести к средствам создания образности, в данном случае – метонимическому переносу значения слова. Все остальные лексемы реализуют свои прямые, номинативные узуальные значения.

Таким образом, речевое поведение В.И. Вернадского как «элитарной» языковой личности, рассмотренное на примере его эпистолярной практики, представляется эталонным, риторически правильно организованным, успешным в плане эффективности коммуникации, соответствующим национальным традициям общения. ЭЯЛ, каковой является языковая личность ученого, имеет «наработки» на всех уровнях структуры, включая вершину – прагматикон (Ю.Н. Караулов). Это проявляется в создании собственного *идиостиля* (Н.С. Болотнова), характеризующегося определенным типом мышления и языкового сознания, а также специфической системой речевого строя (особым набором ключевых слов, тропов, моделей, грамматических структур).

В целом изучение дискурсивных явлений в проекции на культурную коммуникацию и с учетом жанровых предпочтений сегодня является одним из приоритетных в языкознании: «Коммуникация, которую структурируют жанры, есть важнейшая часть культуры, и жанры – ее формы – так же обусловлены субъектом, культурно опосредованным ценностным взглядом на мир, как и культура в целом» [Дементьев, 2007, с. 6].

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс, культура // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 44–55.
- Вернадский В.И. Биография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sciteclibrary.ru>.
- Гумилевский Л.И. Вернадский. М., 1988.
- Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // *Жанры речи*. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 5–21.
- Журавлев В.К. Русский язык, русский национальный характер и облик русского ученого // *Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию со дня рождения А.А. Реформатского*. М., 2004. С. 36–46.
- Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
- Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского. Письма В.И. Вернадского В.И. Липскому. 1919 – 1936 / Сост., подгот. текста, прим. Т.В. Андрианова и М.В. Шевера. Киев; Кременчуг, 2002.
- Караулов Ю.Н. Метатекстовые элементы как средство экспликации языковой личности (на примере научных работ В.В. Виноградова) // *Аспирантский сборник*. Новосибирск, 2006. Ч. 6.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
- Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах жене // *Вопросы стилистики*. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 63–71.
- Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов, 1998.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М., 2004. Т. 1.
- Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: На материале писем Ю.М. Лотмана: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003. С. 343–347.

Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е. Языковые контакты и типы речевых культур: процессы и результаты // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: Итоги и перспективы / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2001. С. 317–318.

Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов, 1997. С. 88–99.